

Новое имя

— Ваша семья связана с миром кино?

— Сегодня - да. Через меня! (смех). Мой папа работает в агентстве по связям с общественностью, а мама рисует и пишет книги для детей. Она рассказывала нам с сестрой многое о волшебных историях. До сих пор помню сказку о волшебном грибе, который лечил большую мышку. Мама охотно сочиняла истории, в которых героями были мы с сестрой. Помню, в доме было много радости, смеха, я жила словно в сказке. Надеюсь, мое детство останется со мной навсегда.

— О вас говорят, что вы едва не стали цирковой артисткой?

— Я обожала цирк. Каждый раз, когда мы проходили мимо здания шапито, я требовала, чтобы мы зашли посмотреть на зверей, на акробатов. Я даже училась в цирковом училище целых четырех месяцев. Я мечтала стать акробаткой.

— Чего вам хотелось больше в детстве - стать циркачкой или актрисой?

— Актрисой я хотела быть, сколько себя помню. Кажется, мне было шесть лет, когда я написала письмо фее с просьбой исполнить мою мечту.

— Какие фильмы вы любили в детстве?

— В детстве я мало ходила в кино. Родители обожали кино, но считали, что детей нужно приобщать к нему позже, когда они подрастут. У меня было идиллическое детство в Бельгии, на маленькой ферме в форме буквы "U". Я почти не выходила за ее пределы. Первый фильм, который я посмотрела, был "Инопланетянин" Спилберга. Это был невероятный шок. Сегодня я даже не уверена, что все произошло так, как мне помнится, возможно, я потом многое нафантизировала. У меня осталось чувство, что свет от кинопроектора касается моего плеча. Кино показалось мне чудом. После этого я стала часто ходить в кино и каждый раз выходила из зала со странными, непонятными чувствами. Мне хотелось запереться и ни с кем не разговаривать, чтобы не расплескать то, что я испытывала. Я никогда не могла говорить о фильмах. Мне хотелось хранить их в своей душе, как зеницу ока. Я действительно переселялась в этот мир, мне казалось, что все это совсем рядом - лишь бы меня не трогали и не отвлекали.

— Кто из актрис был для вас образцом?

— Честно говоря, я об этом не задумывалась. Мне больше нравились актеры. Но, наверное, Роми Шнейдер можно назвать образцом, в ней соединялось все, что мне нравилось, - сила, энергия, юмор, хрупкость, нежность, жестокость, обнаженная эмоциональность, щедрость души. Еще я обожаю Арлетти. Меня поражает ее загадочный путь в искусстве. Из современных актеров люблю Леонардо Ди Каприо, Патришию Аркетт, Марианну Жан-Баптист.

— Ваши родители были в курсе, что вы хотите стать актрисой?

— Да, они всегда знали, что во мне происходило. За исключением того, что я испытывала, приходя в кинозал. Когда я пошла в школу, из кожи вон лезла, чтобы попасть в школьный театр. Это было потрясающее чувство - играть на сцене. У нас было что-то вроде кабаре, мы даже ездили с гастролями в Квебек. Мне было лет 13. Потом я прочитала в газете, что Жан-Жак Анно ищет девочку лет 15-ти на роль в фильме "Любовник". Не говоря ни слова родителям, я взяла в библиотеке книгу Дюрас, прочитала перед камерой отрывок, где она говорит о золотых туфлях, и отправила кассету Анно. Когда меня пригласили на пробы, я сказала родителям, и отец поехал со мной, чтобы я не заблудилась. Но меня не взяли.

— Вы очень переживали?

— Очень-очень! Я вернулась в школу, но мне совершенно не хотелось учиться, я говорила матери, что не хочу больше жить в этой дыре, потому что здесь меня никто никогда не увидит. И вот однажды зазвонил телефон, я услышала женский голос без бельгийского акцента. Это была Франсуаза Менидри, которая была ассистентом режиссера по подбору актеров в фильме "Папа - мой любовник". Она увидела мои пробы для "Любовника", я ей очень понравилась, и она предложила мне попробовать на роль дочери Жерара Депардье!

— Вас сразу взяли?

— Как же - сразу! Мне пришлось проходить пробы на общих основаниях, и я играла так плохо, что потом сгорала от стыда. Но меня все-таки взяли в финальный тур, где нас смотрел сам Депардье. Между нами сразу возникло взаимопонимание. Он рассказал мне один довольно грязный анекдот, я долго смеялась. Папа тем временем сидел в коридоре с отцами и матерями других девочек. Потом он признался, что волновалась еще больше меня. Нам сказали, что окончательное решение сообщат позже. Никогда не забуду тот день, когда я узнала, что получила роль. Это была пятница, мама приехала на машине, чтобы забрать меня из школы. Я издалека ее увидела: вся машина была увита гирляндами!

— После "Папы..." вы снимаетесь без перерыва, успеваете играть в театре, работаете на ТВ. Можно считать, что с учебой покончено?

— Я сдала экзамены в школе экстерном, и теперь учусь на съемочных площадках.

щая эту девушку".

— Что пленило вас в проекте "Горбун"? Возможность сыграть роль Авроры де Невер. Встреча с Даниэлем Отеем и Фабрисом Люкини? Шанс очутиться в историческом фильме?

— Все понемножку. Меня поразили энергия сценария, красота диалогов, удивительная смесь легкости и драматичности. И, конечно же, мне очень понравилось, как прописана героиня. В первом фильме с Марэ и Бурвилем Аврора - проходной персонаж, игрушка в руках мужчин. А в сценарии Жана Космо Аврора защищает свою честь, свое мировоззрение. В ней чувствуется личность, характер.

— Вам трудно было сниматься в боевых сценах?

— Нет, достаточно было немного потренироваться. Это было даже забавно. Гораздо труднее было выстроить линию отношений Авроры и Лагардьера, чтобы зритель поверил в эволюцию их чувств. Это было очень сложно, поскольку в фильме преобладают сцены, в которых зрителю просто выдают информацию, не оставляя ему времени задуматься. Нужно было играть на подтексте, облечь в плоть то, что подразумевается, но не акцентируется.

— Вы встречались с Даниэлем Отеем до съемок в "Горбуне"?

— Я встретилась с ним в Каннах, в тот день, когда он получил приз за фильм "Восьмой день".

Милен Жиллен: "Та, кого я играю, не я"

Мишель ХОУАРД

Она понравилась зрителям в комедии "Папа - мой любовник". Доказала эстетам, что может быть настоящей актрисой в фильме "Наживка" Бертрана Тавернье. Сыграв в прошлом году в исторической ленте "Горбун", 23-летняя Мари Жиллен выдвинулась в первый ряд французских лицедеек.

— Вы помните первую встречу с Бертраном Тавернье?

— Да. Это было на фестивале в Йокогаме. Мне там было немного скучно, ему, я думаю, тоже. Как-то вечером он три с половиной часа рассказывал мне про свой будущий фильм о трех молодых людях, которые заманивают людей в квартиру, грабят и убивают. Но при этом каждые пять минут предупреждал, что не сможет предложить мне главную роль, потому что я произвожу впечатление очень порядочного человека! Сегодня он уверяет, что не помнит этих слов, но я-то помню! Думаю, в этом-то и заключался секрет "Наживки": троица убийц внешне выглядят очень разумными, нормальными, даже порядочными людьми. Ведь он всех нас подобрал по одному типу - и меня, и Оливье Ситрука, и Бруно Путзюло. Все мы выглядели людьми, которым можно довериться. Поэтому эта история и стала такой страшной.

— Вы часто видитесь с Бруно и Оливье?

— Не особенно. Но мы переписываемся, посыпаем друг другу открытки. Наверное, на съемках "Наживки" все мы прошли настояще боевое крещение. Когда мы начинали снимать, роль Натали была для меня настоящим кошмаром. До этого я снялась всего в нескольких фильмах и во всех играла героинь, с которыми могла отождествиться. Здесь была совершенно иная ситуация, здесь нужны были совершенно иные правила работы. Я была в ужасе, но постепенно Бертран смог меня успокоить. Кстати, он присыпал мне страницы сценария по мере их написания, и я проживала судьбу героини на протяжении нескольких недель, не зная, чем все завершится.

— Что вас пугало больше всего? То, что персонаж очень далек от вас, или то, что поступки Натали невозможно оправдать?

— И то, и другое. Но именно с этого фильма для меня в каждой роли стал самым увлекательным вызовом, возможность расширить актерские рамки, найти что-то новое. Мне теперь всегда хочется делать то, что меня пугает. И еще я поняла, что обязательно нужно устанавливать дистанцию между собой и исполняемой ролью - иначе можно сойти с ума. Поэтому приходится говорить себе: "Я не эта девушка, я актриса, играю-

щая эту девушку". Помню, что все были пьяны, что мы веселились в каком-то ночном заведении. Но сам Даниэль этого не помнит. Поэтому можно считать, что по-настоящему мы познакомились на занятиях по фехтованию. Встреча на кончике шпаги! (смех) Позже, на съемках он много мне помогал. Не столько словами, сколько поведением, жестами, улыбкой. Он буквально спас меня во время съемок пьянки в трактире. Нет, я не скажу, как именно он помог! (смех) Главное - что он в меня поверил.

— Вы обычно много говорите с режиссером о своей роли?

— Ну, это зависит от самого режиссера! Когда я снималась у Ива Анжело в фильме "Такой чистый воздух", мы очень много говорили и, что особенно важно, много пробовали. Иногда мы делали до 30 дублей! А на съемках "Горбун" я увидела, что есть и другие методы. Филипп Де Броха не любит много говорить. И делать много дублей не любят. Два-три дубля - и готово. Я поначалу запаниковала - я и после тридцати дублей не всегда чувствую себя довольной. Вначале я задавала ему тысячу вопросов, он не отвечал почти ни на один из них, и я поняла, что лучше заткнуться. В последний день съемок Филипп признался мне: "Я очень люблю актеров, но не знаю, что можно им сказать, кроме слов "войдешь отсюда, дойдешь до меловой отметки и скажешь свои реплики". Это было так смешно и трогательно. К счастью, Филипп - из тех режиссеров, которые становятся первыми зрителями своего фильма. После каждого дубля можно было по его глазам понять, нравится ему наша игра или нет.

— Что вы цените в режиссере?

— Способность верить в актеров. Умение создать на съемках атмосферу, при которой все чувствуют себя в одной лодке и не испытывают необходимости что-то кому-то доказывать. Я всегда хочу пробовать разные варианты и не хочу, чтобы меня судили в этот момент. Если работаешь с оглядкой, это никогда не принесет хороших результатов.

ПАРИЖ